

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 36

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1904–1906 ГГ.

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ
А. Е. ГРУЗИНСКОГО, Н. К. ГУДВИЯ, Н. П. ГУСЕВА, Н. К. ПИКСАНОВА,
Н. С. РОДНОНОВА, П. П. САКУЛИНА, В. И. СРЕЗНЕВСКОГО, А. Л. ТОЛСТОЙ
И А. А. ЦЯВЛОВСКОГО И К. С. ШОХОР-ТРОЦКОГО

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМПЛЕКСИ В СОСТАВЕ
В. Д. БОНЧ-БРУВНИЧА, И. К. ДУПЦОВА И М. А. САВЕЛЬЕВА

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М

36

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1956

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ.

Два месяца тому назад я получил телеграмму с оплаченным на сто слов ответом от Северо-Американской газеты, спрашивающей меня о том, что я думаю *о значении, цели и вероятных последствиях земской агитации*. Так как я имел и имею очень определенное и несогласное с мнением большинства мнение об этом предмете, я счел нужным его высказать.

Я ответил так:

«Цель агитации земства — ограничение деспотизма и установление представительного правительства. Достигнут ли вожаки агитации своих целей или будут только продолжать волновать общество, — в обоих случаях верный результат всего этого дела будет отсрочка истинного социального улучшения, так как истинное социальное улучшение достигается только религиозно нравственным совершенствованием отдельных личностей. Политическая же агитация, ставя перед отдельными личностями губительную иллюзию социального улучшения посредством изменения внешних форм, обыкновенно останавливает истинный прогресс, что можно заметить во всех конституционных государствах, Франции, Англии и Америке».

Содержание этой телеграммы не вполне точно было напечатано в «Московских ведомостях», и вслед за этим я стал получать и получаю до сих пор письма с упреками за выраженную мною мысль и кроме того запросы от американских, английских и французских газет о том, что я думаю о совершающихся теперь в России событиях. Я хотел было не отвечать ни на те, ни на другие, но после Петербургского злодеяния и тех сложных чувств негодования, страха, озлобления и ненависти, которые это злодеяние вызвало в обществе, я счел своей обязанно-

стью высказать с большей подробностью и определенностью то же, что вкратце было высказано мною в ста словах американской газеты. Может быть то, что я имею сказать, поможет хотя некоторым людям освободиться от тех мучительных чувств осуждения, стыда, раздражения, ненависти и желания борьбы и мести и сознание своей беспомощности, которые испытывает теперь большинство русских людей, и направит их энергию на ту внутреннюю, духовную деятельность, которая одна дает истинное благо как личностям, так и обществу, и которая теперь тем более необходима, чем сложнее и тяжелее совершающиеся 18 события.

Думаю я о совершающихся событиях вот что:

Не только русское, но всякое правительство я считаю сложным, освященным преданием и обычаем учреждением для совершения посредством насилия безнаказанно самых ужасных преступлений, убийств, ограблений, спаивания, одурения, развращения, эксплуатации народа богатыми и властвующими; и потому полагаю, что все усилия людей, желающих улучшить общественную жизнь, должны быть направлены на освобождение себя от правительств, зло и, главное, ненужность которых 20 становятся в наше время всё более и более очевидными. Достигается, по моему мнению, эта цель одним, только *одним единственным средством: внутренним религиозно нравственным совершенствованием отдельных лиц.*

Чем выше в религиозно-нравственном отношении будут люди, тем лучше будут те общественные формы, в которые они сложатся, тем меньше будет правительственного насилия и совершаемого им зла. И наоборот, чем ниже в религиозно нравственном отношении будут люди известного общества, тем могущественнее будет правительство и тем больше то зло, которое оно 30 совершает.

Так что зло, испытываемое людьми от злодеяний правительств, всегда пропорционально религиозно-нравственному состоянию общества, какую бы — ту или иную — форму ни приняло это общество.

Между тем некоторые люди, видя всё то зло, которое совершает в настоящее время русское, особенно жестокое, грубое, глупое и лживое правительство, думают, что происходит это оттого, что русское правительство не так устроено, как они думают, что оно должно бы было быть устроено, — по образцу 40

других существующих правительств (таких же учреждений для безнаказанного совершения всякого рода преступлений над своими народами); и для этого употребляют все находящиеся в их власти средства, воображая, что изменение внешних форм может изменить содержание.

Деятельность такую я считаю *нецелесообразной, неразумной, неправильной* (то есть что люди приписывают себе права, которых они не имеют) и *вредной*.

Нецелесообразной я считаю такую деятельность потому, что
10 борьба силою и вообще внешними проявлениями (а не одной духовной силою) ничтожной горсти людей с могущественным правительством, отстаивающим свою жизнь и имеющим для этого в своей власти миллионы вооруженных, дисциплинированных людей и миллиарды денег, — только смешна с точки зрения возможности успеха и жалка с точки зрения гибели тех несчастных увлеченных людей, которые гибнут в этой неравной борьбе.

Неразумной я считаю эту деятельность потому, что, допустив самое невероятное, то есть что люди, борющиеся теперь с существующим правительством, восторжествуют, — положение людей
20 не может от этого улучшиться.

Теперешнее насильническое правительство таково ведь только оттого, что общество, над которым властвует правительство, состоит из нравственно слабых людей, из которых одни, руководимые честолюбием, корыстью, гордостью, не стесняясь совестью, всеми средствами стараются захватить и удержать власть, а другие из страха, тоже корысти, тщеславия или вследствие одурения помогают первым и подчиняются. И потому,
30 как бы ни перемещались эти люди, в какую бы форму ни складывались, из таких людей всегда сложится такое же, столь же насильническое правительство.

Неправильной же я считаю эту деятельность потому, что люди, теперь в России борющиеся против правительства, — либеральные земцы, врачи, адвокаты, писатели, студенты, революционеры и несколько тысяч оторванных от народа и опропагандированных рабочих, называя и считая себя представителями народа, не имеют на это звание никакого права. Люди эти предъявляют правительству во имя народа требование свободы печати, свободы совести, свободы собраний, отделения церкви
40 от государства, восьмичасового рабочего дня, представитель-

ства и т. п. А спросите народ, большую массу, сто миллионов крестьянства о том, что они думают об этих требованиях, и настоящий народ, крестьяне, будут в затруднении отвечать, потому что требования эти и свободы печати, и свободы собраний, отделения церкви от государства, даже восьмичасового дня — для большей массы крестьянства не представляют никакого интереса.

Ему не нужно ничего этого, ему нужно другое: то, чего он давно ждет и желает, о чем не переставая думает и говорит, и то, о чем нет ни одного слова во всех либеральных адресах 16 и речах и чуть мельком упоминается в революционных, социалистических программах, — он ждет и желает одного: освобождения земли от права собственности, общности земли. Когда земля не будет отнята у него, его дети не пойдут на фабрики, а если и пойдут, сами установят себе часы и цену.

Говорят: дайте свободу, и народ выскажет свои требования. Это неправда. В Англии, Франции, Америке полная свобода печати, но об освобождении земли не говорят ни в парламентах, ни в прессе, и вопрос об общем праве всего народа на землю всё больше и больше отходит на задний план. 17

И потому либеральные и революционные деятели, составляющие программы требований народа, не имеют никакого права считать себя представителями народа: они представляют только себя, и народ для них недобросовестное знамя.

Так, по моему, нецелесообразна, неразумна и неправильна эта деятельность; вредна же она тем, что отвлекает людей от той единственной деятельности — нравственного совершенствования отдельных лиц, посредством которой и только посредством которой достигаются те цели, к которым стремятся люди, борющиеся с правительством. 18

Скажут: «одно не мешает другому». Но это неправда. Нельзя делать двух дел зараз: нельзя нравственно совершенствоваться и участвовать в политических делах, вовлекающих людей в интриги, хитрости, борьбу, озлобление, доходящее до убийств. Деятельность политическая не только не содействует освобождению людей от насилий правительств, но, напротив, делает людей всё более и более неспособными к той единственной деятельности, которая может освободить их.

До тех пор пока люди будут неспособны устоять против соблазнов страха, одурения, корысти, честолюбия, тщеславия, 19

которые порабощают одних и развращают других, они всегда сложатся в общество насилующих, обманывающих и насилуемых и обманываемых. Для того чтобы этого не было, каждому человеку надо сделать нравственное усилие над самим собой. Люди сознают это в глубине души, но им хочется как-нибудь помимо усилия достигнуть того, что достигается только усилием.

Выяснить своими усилиями свое отношение к миру и держаться его, установить свое отношение к людям на основании вечного закона делания другому того, что хочешь чтобы тебе делали, подавлять в себе те дурные страсти, которые подчиняют нас власти других людей, не быть ничьим господином и ничьим рабом, не притворяться, не лгать ни ради страха, ни выгоды, не отступать от требований высшего закона своей совести — всё это требует усилий; вообразить же себе, что установление известных форм каким-то мистическим путем приведет всех людей, в том числе и меня, ко всякой справедливости и добродетели, и для достижения этого, не делая усилий мысли, повторять то, что говорят все люди одной партии, суетиться, спорить, лгать, притворяться, браниться и драться, — всё это делается само собою и для этого не нужно усилия.

Людям так хочется, чтобы это было, что они уверяют себя, что это и есть. И вот является такая теория, по которой доказывается, что люди могут без усилия достигнуть плодов усилия. Теория совершенно подобная той, по которой молитвы о своем совершенствовании, вера в искупление грехов кровью Христа или в благодать, передаваемую таинствами, могут заменить личное усилие. На этой же психологической иллюзии основана и та удивительная теория об улучшении общественной жизни посредством изменения внешних форм, которая произвела и производит такие ужасные бедствия и более всего другого задерживает истинный прогресс человечества.

Люди сознают, что в их жизни что-то нехорошо и что что-то надо улучшить. Улучшать же человек может только то одно, что в его власти, — самого себя. Но для того чтобы улучшать самого себя, надо прежде всего признать, что я нехорош; а этого не хочется. И вот всё внимание обращается не на то, что всегда в своей власти, — не на себя, а на те внешние условия, которые не в нашей власти, и изменение которых так же мало может улучшить положение людей, как взбалтывание вина и пере-

ливание его в другой сосуд не может изменить его качества. И начинается, во-первых, праздная, а во-вторых, вредная, гордая (мы исправляем других людей) и злая (можно убить людей, мешающих общему благу), развращающая деятельность.

«Перестроим общественные формы, и общество будет благоденствовать». Хорошо бы было, если бы так легко достигалось благо человечества. К несчастью, или скорее к счастью (потому что если бы одни люди могли устраивать жизнь других, эти другие были бы самые несчастные люди), — к счастью это не так: жизнь человеческая изменяется не от изменения внешних форм, а только от внутренней работы каждого человека над самим собой. Всякое же усилие воздействия на внешние формы или на других людей, не изменяя положения других людей, только развращает, умаляет жизнь того, кто, — как все те политические деятели, короли, министры, президенты, члены парламентов, всякого рода революционеры, либералы, — отдается этому губительному заблуждению.

Поверхностно судящие, легкомысленные люди, особенно взволнованные совершившейся на днях в Петербурге братоубийственной бойней и всеми сопровождавшими это злодеяние событиями, думают, что главная причина этих событий в деспотизме русского правительства и что если бы самодержавная, монархическая форма русского правительства была заменена конституционной или республиканской, такие события не могли бы повториться.

Но ведь главное (если вникнуть во всё его значение) бедствие, от которого страдает теперь русский народ, это не петербургские события, а затеянная десятком безнравственных людей бессмысленная, постыдная и жестокая война. Война эта уже погубила и искалечила сотни тысяч русских людей, угрожает уничтожить и искалечить еще столько же; разорила и разоряет не только людей настоящего времени, но накладывает еще огромный, в виде долгов, налог на труд будущих поколений и губит души людей, развращая их. То, что было в Петербурге 9-го января, ничто в сравнении с тем, что делается там. Там в один день убиваются и калечатся в сто раз большее число людей, чем то, которое погибло 9-го января в Петербурге. И погибель этих людей там не только не возмущает общество, как убийства в Петербурге, но общество равнодушно, а часть его даже сочувственно смотрит на то, что новые и новые тысячи

людей гонятся туда для такого же бессмысленного, бесцельного уничтожения.

Бедствие это ужасно. И потому, если уж говорить о бедствиях русского народа, то главное бедствие — это война, а петербургские события — только невольное, сопутствующее большому бедствию обстоятельство, и если отыскивать средства избавления от бедствий, то надо найти такие, которые избавляли бы от обоих бедствий. Перемена же деспотической формы правления на конституционную или республиканскую не избавит
10 Россию ни от того, ни от другого бедствия. Все конституционные государства точно так же, как и русское, не переставая бессмысленно вооружаются и точно так же, как и русское, когда это вздумается нескольким людям, имеющим власть, посылают свои народы на братоубийства. Абиссинская, Бурская, Испанские войны с Кубой, Филиппинами, Китай, Тибет, войны с Африканскими народами — всё это войны, веденные самими конституционными и республиканскими правительствами, и точно так же все эти правительства, когда находят это нужным, подавляют вооруженной силой те восстания и проявления воли
20 народов, которые они считают нарушением законности, то есть того, что эти правительства в данную минуту считают законом.

Когда в государстве, с какой бы то ни было конституцией, существует организация насильнической власти, которая теми или иными приемами может быть захвачена несколькими людьми, всегда происходят, в той или иной форме, такие же события, как те, которые происходят теперь в России — и войны и подавления восстаний.

Так что значение происходивших в Петербурге событий совсем не в том, как это думают легкомысленные люди, что события эти показали нам особенную зловредность русского деспотического правительства и что поэтому надо постараться изменить русское деспотическое правительство конституционным.
30 Значение этих событий гораздо важнее: оно заключается в том, что по действиям особенного глупого и грубого русского правительства нам яснее, чем по действиям других более приличных правительств, зловредность и ненужность не такого или иного, а всякого правительства, т. е. собрания людей, имеющих возможность заставлять подчиняться своей воле большинство народа.

40 В Англии, Америке, Франции, Германии зловредность пра-

вительств так замаскирована, что люди этих народов, указывая на события в России, наивно воображают, что то, что делается в России, делается только в России, а что они пользуются совершенной свободой и не нуждаются ни в каком улучшении своего положения, то есть находятся в самом безнадежном состоянии рабства — рабства рабов, не понимающих того, что они рабы, и гордящихся своим положением рабов.

Положение нас, русских, в этом отношении и тяжелее (в том отношении, что совершаемые насилия грубее) и лучше в том, что нам легче понять, в чем дело. 10

Отношение, положение и настроение русских людей и европейских и в особенности американских совершенно такое, как описывается отношение, положение и настроение двух людей, вошедших в храм, про которых рассказывается в Евангелии Луки, гл. XVIII, ст. 10, 11, 13 (фарисей и мытарь).

Дело в том, что всякое насильническое правительство по существу своему ненужное, великое зло и что по этому делу, как нас, русских, так и всех людей, поработанных правительствами, не в том, чтобы заменять одну форму правительства другой, а в том, чтобы избавиться от всякого правительства, уничтожить его. 20

Так что мнение мое о совершающихся теперь в России событиях такое: русское правительство, как всякое правительство, есть ужасный, бесчеловечный и могущественный разбойник, зловердная деятельность которого не переставая проявлялась и проявляется точно так же, как зловердная деятельность всех существующих правительств: американского, французского, японского, английского. И потому всем разумным людям надо всеми силами стараться избавиться от всяких правительств, и русским людям от русского.

Для того же, чтобы избавиться от правительств, надо не бороться с ними внешними средствами (до смешного ничтожными в сравнении с средствами правительств), а надо только не участвовать в них и не поддерживать их. Тогда они будут уничтожены. 30

Для того же, чтобы не участвовать в правительствах и не поддерживать их, надо быть свободным от тех слабостей, по которым люди попадают в сети правительств и делаются рабами или участниками их.

А быть свободным от тех слабостей, которые делают людей рабами и участниками правительств, может только человек, 40

установивший свое отношение ко Всему, к Богу, и живущий по единому, высшему закону, вытекающему из этого отношения, то есть человек, религиозно-нравственный.

И потому чем яснее видят и чувствуют люди зло правительств, — как теперь мы, русские люди, особенно ясно, болезненно чувствуем зло глупого, жестокого и лживого русского правительства, погубившего уже сотни тысяч людей, разоряющего и развращающего миллионы людей и начинающего уже вызывать русских людей на убийство друг друга, — тем напряженнее должны мы стараться установить в себе ясное и твердое религиозное сознание и тем неуклоннее исполнять вытекающий из этого сознания закон Бога, не требующий от нас исправления существующего правительства или установления такого общественного устройства, которое по нашим ограниченным взглядам обеспечивает общее благо, а требующий от нас только одного: нравственного самосовершенствования, то есть освобождения себя от всех тех слабостей и пороков, которые делают нас рабами правительств и участниками их преступлений.

Я кончил эту заметку и был в нерешительности — публиковать или не публиковать ее, когда получил замечательное, не подписанное письмо.

Вот это письмо:

«Который день не могу справиться с собою.

«Когда кто начинает говорить о рабочих, начинаю его ненавидеть, и делается физически скверно.

«Были и груды трупов, и женщины, и дети, которых окровавленных везли на извозчиках. Но разве *это* страшно? Страшны солдаты с своими обыкновенными, не думающими и не понимающими добрыми лицами, как они припрыгивают на морозе и ждут команды в кого-то стрелять. Страшна публика тоже с обыкновенными, любопытными лицами. Даже самые добрые люди идут, чтобы увидеть самим или от других узнать про что-нибудь «ужасное» — окровавленные, разрубленные трупы и т. д. ...Точно может быть что-нибудь страшнее этих солдат, которые *как всегда*, и этих добрых людей, которым хочется одного — чтобы нервы содрогнулись от чего-нибудь ужасного.

«Я не могу определить, что тут самое страшное; кажется, то, что они *не понимают* и что у них *обыкновенные* лица, несмотря на то, что через час будут убитые люди и везде на камнях кровь.

Кажется, самое страшное ощущать, что между людьми *нет никакой связи*; кажется, это самое страшное.

«Из той же деревни, только одни в серой шинели, а другие в черном пальто, и никак не можешь понять, почему серые шутят о морозе и мирно поглядывают на идущих мимо них черных людей, когда они не только знают, что у каждого из них патронов на десять выстрелов, но знают и то, что через час, два все эти патроны будут истрачены. И черные люди смотрят на них, точно так тому и быть должно. Об этом *разобцающем* людей читаешь в книгах, говоришь и не чувствуешь, как это страшно; а когда всё вокруг тебя и, как эти дни, на время всё другое перестало существовать, а есть *только* это одно: серые шинели, черные пальто и нарядные шубы, и все они заняты *одним*, но все *по разному*, никого это не удивляет, никто из них не знает, почему одни стреляют, другие падают, а третьи смотрят. И в другое время — та же страшная и непонятная жизнь, где в порядке вещей убивать по команде без всякой вражды и ненависти; но эти дни всё остальное остановилось на время, и осталось только это страшное. Такое чувство, точно от каждого человека тебя отделяет пропасть, и ее не перейти, хоть ты и совсем близко. Это чувство невыносимо.

«Раз пять принималась писать вам и бросала и в конце концов всё-таки пишу. Может быть просто потому, что непереносимо молчать изо дня в день. Все говорят о помощи рабочим и сочувствуют будто бы. Но ужасно не положение рабочих, и помощь нужна не им, а тем, кто стрелял и топтал людей, и тем, кто на другой день гулял и смотрел на разбитые стекла, фонари, на следы пуль и не видел замерзшей крови на тротуаре и шаркал по ней ногам».

Да, всё дело в том, что есть что-то, что разобщает людей, и что нет связи между людьми. Всё дело в том, чтобы устранить то, что разобщает людей, и поставить на это место то, что соединяет их. Разобщает же людей *всякая* внешняя, насильническая форма правления, соединяет же их одно: отношение к Богу и стремление к Нему, потому что Бог один для всех и отношение всех людей к Богу одно и то же.

Хотят или не хотят признавать это люди, перед всеми нами стоит один и тот же идеал высшего совершенствования, и только стремление к нему уничтожает разобщение и приближает нас друг к другу.

КОММЕНТАРИИ

«ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ».

В связи с возникшей с середины 1904 г. агитацией земств в пользу ограничения самодержавия и введения в России представительного образа правления, в ноябре 1904 г. Толстой получил от филаделфийской газеты «North American Newspaper» телеграмму следующего содержания: «Очень оценили бы подробный ответ на сто или более слов, объясняющий значение, цель и вероятные последствия земской агитации. Американцы глубоко заинтересованы. Северо-американская газета». 18 ноября Толстой ответил телеграммой на английском языке, текст которой в переводе автора приводится в самом начале статьи. Содержание этой телеграммы было приведено в № 331 «Московских ведомостей» от 30 ноября 1904 г. и по поводу нее было написано несколько полемических статей в русских газетах и ряд укоризненных писем, адресованных Толстому. Иностранные же газеты продолжали направлять ему запросы по поводу происходящих в России событий. В ответ на все эти статьи, письма и запросы Толстой и написал статью «Об общественном движении в России». В связи с ней в Дневнике читаем следующую запись от 20 января 1905 г.: «Долго не писал. Всё это время... только и делал, что написал записку о моей телеграмме о событиях. Всё это мало интересует меня». Автограф статьи датирован 13 января 1905 г. 22 января она была послана Черткову в Англию для напечатания, а 24 января было еще послано дополнение к ней. Таким образом работа над статьей происходила в промежутке между 13 и 24 января 1905 г.

К статье относятся следующие рукописи, хранящиеся в ГТМ (АЧ. папка 79), и в АТБ (папка ХХХIV, рукопись, описанная под № 13).

1* Автограф. 3 полулиста почтовой бумаги, один лист почтовой бумаги, четвертушка писчего листа, согнутая пополам, и две восьмушки писчего листа — всего 18 нумерованных рукой Толстого страниц, сплошь исписанных. Заглавия нет. *Начало:* «Каждый день получаю письма с упреками за мою телеграмму в Америку». *Конец:* «которые переживут 10 поколений, составляя их радость и гордость». И затем подпись и дата 13 января. Текст автографа значительно отличается от окончательной редакции статьи. Вслед за абзацем, начинающимся словами: «Не только русское, но всякое правительство», стр. 157, строка 12, следует вариант, который печатаем отдельно под № 1. Вслед за абзацем, кончающимся

словами: «отходит на задний план», стр. 159, строка 20, следует вариант, которым заканчивается статья в автографе и который печатаем также отдельно под № 2.

2. Рукопись на 11 четвертушках писчей бумаги, отрезанных от четвертушки, и на одном полулисте писчей бумаги, согнутом пополам, с отрезанной верхней половиной первой страницы. Первые 9 четвертушек написаны рукой П. А. Буланже, вторые 2 четвертушки, склеенные из нескольких частей, и 2 полосы бумаги — на пишущей машинке. Всё это представляет собой копию автографа, в которой одна четвертушка утрачена. Копия сильно исправлена Толстым. Целые страницы и ряды строк зачеркнуты, и вместо зачеркнутого написан новый текст. 2 полосы отрезаны от четвертушек и вместо них вклеены новые полосы с исправленным текстом. На полулисте рукой Толстого написано продолжение статьи («И потому первое и главное... т. е. человекъ религиозно-нравственный»). Всё написано с одной стороны. Все исправления и дополнения, сделанные Толстым в копии, большую частью приближают текст ее к тексту окончательной редакции статьи. Абзац, где речь идет о приверженности народа самодержавию, от которого он ждет благоприятного разрешения земельного вопроса, Толстым изменен так:

О представительствѣ, требованія котораго съ такой увѣренностью выставляють либералы и революціонеры, народъ если и имѣетъ какое либо мнѣніе, то совершенно противоположное тому, которое выражаютъ за него его самозванные представители. Народъ въ своей большой массѣ стоитъ за самодержавіе; Онъ стоитъ за него и потому, что онъ обмануть, и по инерціи, и по суевѣрному предвзвѣнію о томъ, что только черезъ самодержавіе онъ можетъ достигнуть своего одного главнаго желанія — общности земли. По его понятіямъ только тотъ самодержавный царь, который могъ разбить крѣпостное рабство, можетъ и отнять землю у господъ и отдать мужикамъ. Очень можетъ быть, что онъ ошибается (я думаю, что онъ ошибается), но такова его очень опредѣленная программа.

3. Рукопись на 2 согнутых пополам полулистах писчей бумаги, 12 четвертушках, частью склеенных из нескольких частей, и 3 полосах бумаги, отрезанных от четвертушек. Всё написано на пишущей машинке с одной стороны и исправлено и дополнено рукой Толстого. Дополнения, кроме того, сделаны им на полулисте почтовой бумаги и на обложке рукописи. Данная рукопись представляет собой исправленную автором копию предыдущей рукописи. Отдельные четвертушки и части их переписаны и исправлены несколько раз. В рукописи недостает, по крайней мере, одной четвертушки. Многочисленные исправления, сделанные Толстым, так же как и перестановки абзацев, приближают еще более текст рукописи к окончательному тексту статьи. В самом конце приписан следующий абзац, затем исключенный:

И потому, что бы не происходило въ жизни людей: мир или война, спокойное теченіе жизни или смута, человекъ разумному предстоитъ всегда одна высшая передъ всѣми другими обязанность: исполнять законъ, волю Бога, состоящій

въ уничтоженіи раздора и злобы и увеличеніи согласія и любви Производить же это можетъ человѣкъ только въ себѣ, и потому на себя и должны быть направлены все усилія каждаго человѣка. «Да вѣдь казнятъ, ссылаютъ, запрещаютъ говорить, убиваютъ беззащитныхъ людей на улицахъ, гонятъ на бойню на Дальней востокъ всю молодую силу Россіи», говорятъ на это. «Ты видишь все зло Россіи, возмущаешься имъ, такъ тѣмъ болѣе тебѣ надо сдѣлать усилія надъ собою, чтобы не дѣлать того, что такъ возмущаетъ тебя. Чѣмъ больше зла вокругъ тебя, тѣмъ больше должно быть твое усиліе не дѣлать его. Только въ этомъ ты найдешь успокоеніе и только такую дѣятельностью ты достигнешь уничтоженія того, что возмущаетъ тебя.

Вслед за этимъ подпись и дата — 16 января 1905 г.

4. Рукопись на 4 согнутыхъ пополамъ полулистахъ писчей бумаги, 13 четвертушкахъ и 13 полосахъ бумаги, отрезанныхъ отъ четвертушекъ. Некоторые полулисты и четвертушки составились изъ отдельныхъ, слѣженныхъ другъ о другомъ частей. Все переписано на пишущей машинкѣ на одной сторонѣ листа и исправлено и дополнено рукой Толстого. Данная рукопись — исправленная авторомъ копія предыдущей, причемъ отдельные четвертушки и части ихъ переписывались и исправлялись несколько разъ. Исправленія и дополненія, сделанные Толстымъ въ рукописи, — новый этапъ на пути къ окончательной редакціи статьи. Въ абзацѣ объ отношеніи народа къ самодержавію, приведенномъ при описаніи рукописи № 2, зачеркнуты слова «и потому что онъ обманутъ», «по его понятіямъ» и «я думаю, что онъ ошибается»; вместо «по суевѣрному представленію о томъ» написано: «по вѣрѣ въ то». Къ статьѣ добавленъ текстъ неподписаннаго письма и заключеніе, после котораго — собственноручная подпись и дата — 20 января 1905 г.

5. Рукопись на 17 нумерованныхъ листахъ в 4°, исписанныхъ съ одной стороны на пишущей машинкѣ и исправленныхъ рукой Толстого. Копія предыдущей рукописи. Исправленія сделаны въ направленіи къ тексту окончательной редакціи. Въ концѣ статьи на пишущей машинкѣ подпись и дата 20 января 1905 г.

6. Автографъ на 1 листѣ в 4°. На одной страницѣ, сильно исчерканной, — начало (первый абзацъ) вставки, о которой Толстой писалъ Черткову въ письмѣ отъ 24 января 1905 г. *Начало:* «Поверхностно судящіе, легкомысленные люди». *Конецъ:* «то не было бы того, что такъ возмущаетъ общество». На другой страницѣ отрывокъ текста, не попавшій въ статью. *Начало:* «И потому совершающіеся теперь въ Россіи событія». *Конецъ:* «губительно существованіе всякаго правительства и».

7. Автографъ на 2 листахъ почтовой бумаги большого формата и на четвертушке писчего листа, исписанныхъ съ обеихъ сторонъ. Первая до конца написанная черновая редакція вставки, о которой Толстой писалъ Черткову въ письмѣ отъ 24 января. *Начало:* «Поверхностно судящіе легкомысленные люди». *Конецъ:* «а в томъ, чтобы избавиться отъ него, уничтожить его». Следующіе затѣмъ несколько строкъ зачеркнуты. Текстъ автографа соответствуетъ той части статьи, которая начинается теми же словами, что и автографъ, и оканчивается словами: «а в томъ, чтобы избавиться отъ

всякого правительства, уничтожить его», стр. 161, строка 18 — стр. 163, строка 22.

8. Рукопись на 7 листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого. Нумерация — по листам. Первый лист из этой рукописи перенесен в следующую. Эта рукопись — исправленная автором копия автографа вставки, описанной под № 7.

9. Рукопись в 4° на 1 четвертушке и 5 согнутых пополам полулистах писчей бумаги, исписанных рукой Ю. И. Игумновой и исправленных Толстым. Нумерация по четвертушке и полулистам (1—6). За исключением четвертушки, перенесенной сюда из предшествующей рукописи, всё остальное — исправленная автором копия рукописи, описанной под № 8. Вверху первой страницы рукой переписчицы написано: «К странице 8-й».

10. Рукопись на 1 листе тонкой копировальной бумаги большого почтового формата, исписанного с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой с поправками рукой Толстого. Лист обозначен цифрой 3. *Начало*: «Бѣдствіе это ужасно». *Конец*: «въ данную минуту считаютъ закономъ». Копия листа предшествующей рукописи, также обозначенного цифрой 3 и сильно исправленного Толстым. Текст рукописи, описанной под № 9, вместе с текстом рукописи, описанной под № 10, заменившим собой часть рукописи № 9, соответствует части печатного текста от слов: «Поверхностно судящие, легкомысленные люди», стр. 161, строка 18, кончая словами: «избавиться от всякого правительства, уничтожить его», стр. 163, строка 22. В рукописном тексте лишь недостает абзаца, начинающегося словами «Отношение, положение и настроение русских людей», стр. 163, строка 12.

11. Автограф на 1 листе почтовой бумаги. Исписано лишь начало страницы:

Но мало того, что правительства, т. е. власть однихъ праздныхъ людей управлять всѣми рабочими людьми народа, располагая ихъ трудами и жизнями, губительна для народовъ; власть эта, когда то, можетъ быть, на что-нибудь нужная народу, теперь стала совершенно бесполезной.

Над этим текстом рукой Ю. И. Игумновой написано: «К странице 8-й». Очевидно, это та маленькая вставка, о которой Толстой в «post-scriptum'e» к письму к Черткову от 24 января пишет, что он решил ее выкинуть (см. ниже).

12. Рукопись на полосе тонкой копировальной бумаги, вырезанной из листа большого почтового формата, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. *Начало*: «Теперешнее насильническое правительство». *Конец*: «сложится такое же, столь же насильническое правительство». Текст соответствует одному абзацу статьи, стр. 158, строки 22—31) и представляет собой, видимо, уцелевшую незначительную часть копии с рукописи, описанной под № 5.

13. Рукопись на 14 листах тонкой копировальной бумаги большого почтового формата, написанных с одной стороны на пишущей машинке, с поправками рукой Ю. И. Игумновой. В конце рукописи дата 20 января 1905 г. Очевидно, Игумнова в этот экземпляр копии внесла те поправки,

которые сделаны были Толстым в другом экземпляре той же копии, от которого сохранилась лишь одна полоса, описанная под № 12. Далее от 8-й страницы рукописи отрезана нижняя часть текста, начиная от слов «Так что мнение мое о совершающихся теперь в России событиях такое, и вслед за словами «либералы отдаются этому губительному заблуждению» идет текст — «Поверхностно судящие люди... избавиться от всякого правительства, уничтожить его». Страницы, содержащие этот текст, обозначены цифрами 9, 10 и 11. К 11-й странице приклеена отрезанная часть страницы 8-й, и нумерация дальнейших страниц переделана: цифры 9, 10, 11 исправлены на 12, 13, 14.

Таким образом после того как текст основных 11-ти страниц без вставки в идентичной рукописи был отправлен Черткову в Англию, была окончательно отредактирована вставка, один экземпляр которой был отправлен Черткову, а другой приложен к данной рукописи.

22 января, отвечая Черткову на его письмо и отзываясь о заметке, которая написана была Чертковым в дополнение к его статье «О революции» перед напечатанием ее в России, Толстой писал: «Нынче я думаю, что совсем окончил эту заметку, и завтра она переписется и отошлется вам. Хорошо, что, или скорее дурно, что я писал ее прежде получения вашей статьи, а то бы я и вовсе не писал ее, так как в ней сказано то самое, что в вашей статье.

Как всегда, делайте с этой заметкой что и как хотите. Я писал ее, имея в виду и личные (интервьюеров) и письменные и телеграфические запросы от английских, французских, американских газет.

Нехорошо в моей заметке то, что я не могу победить в себе недоброжелательства к тем либералам и революционерам, которые, руководимые ребяческим легкомысленным и тщеславным задором, губят и жизни и духовные силы людей, увлекая их в нелепые, бессмысленные затеи».

В приписке к этому письму Толстой написал: «Посылаю вам свою заметку и возвращаю вашу. С моей, как вам писал, делайте что хотите. Мне неприятно было ее писать, потому что в ней много недосказанного, того, что я начал писать в большой статье об этом предмете. И теперь, отправляя ее, мне кажется, что она слаба, и лучше вовсе не печатать ее. Если вы согласны с этим, так и делайте. Если же будете печатать, то печатайте как есть. Не возвращайте меня к ней. Времени мало, а так хотелось бы много еще сказать и, как мне кажется, более важное» (АЧ).

24 января Толстой писал Черткову: «Посылаю вам, дорогой друг, небольшое добавление к стр. 8-й и вставку в той же странице на 6-й линейке снизу. Маленькую вставку решил выкинуть» (АЧ). Вставка на 6-й линейке снизу — это, очевидно, абзац, начинающийся словами: «Отношение, положение и настроение русских людей» и кончающийся словами: «(фарисей и мытарь)», стр. 163, строка 16, напечатанный в издании Черткова, но не находящий себе соответствия ни в одной из рукописей. О «маленькой вставке» сказано было выше при описании рукописи № 11.

18 февраля Толстой писал Черткову: «Сейчас перечел свою заметку об американской телеграмме и думаю, что несколько линеек о представительстве, начинающиеся со слов: «О представительстве же...» и до слов:

«И потому либеральные и революционные...» лучше выпустить. Сделайте это, пожалуйста, если есть время» (АЧ).

Абзац этот, исключенный по желанию Толстого, в его окончательной редакции (по рукописи, описанной под № 13), печатаем в вариантах (№ 3).

Получив рукопись статьи и вслед затем вставки к ней, Чертков в письме к Толстому от 10 февраля н. с., сочувственно отзываясь о статье, советовал ему исключить слова «и народ для них недобросовестное знамя», стр. 159, строка 24, переделать абзац, который Толстой в письме от 18 февраля просил Черткова совершенно исключить, и затем внести несколько изменений частью стилистического характера, частью смыслового. Письмо заканчивается следующими словами: «Пожалуйста, ответьте безотлагательно. Если не получу своевременно вашего ответа, то приму эти изменения на свой риск. Но меня очень успокоило бы ваше согласие» (АЧ).

Но Толстой ничего не ответил по поводу этих предложений Черткова. Была, следовательно, дана лишь санкция на изменение абзаца, который Толстой сам просил изменить в письме от 18 февраля.

Статья «Об общественном движении в России» вышла в 1905 г. в издании «Свободного слова», причем Чертков ввел в текст статьи все предложенные им поправки, исключив совершенно абзац, относительно которого Толстой писал в письме к нему от 18 февраля. Поправки Черткова сводятся к следующему. Вместо «и для этого употребляют», стр. 158, строка 3, напечатано: «и для исправления этого люди эти употребляют»; вместо «не говорят ни в парламентах ни в прессе», стр. 159, строки 18—19 — «не говорят в парламентах, почти что не говорят в прессе»; вместо «всё больше и больше отходит на задний план», стр. 159, строка 20, — «оставается совершенно на заднем плане»; фраза «и народ для них недобросовестное знамя», стр. 159, строка 24, исключена; вместо «бессмысленная... война», стр. 161, строка 29, напечатано: «легкомысленная... война»; вместо «Там в один день убиваются и казнятся в сто раз большее число людей», стр. 161, строки 35—37, — «Там, на войне, убивается и казнятся в сотни раз большее число людей»; вместо «но общество равнодушно», стр. 161, строка 39, — «но большая часть общества равнодушна»; вместо «всегда происходят», стр. 162, строка 26, — «всегда происходят и будут происходить»; вместо «собрания людей», стр. 162, строка 38, — «собрания». Кроме того, в тексте издания оказалось несколько второстепенных опечаток.

Прежде чем появиться на русском языке в издании «Свободного слова», статья была напечатана в зарубежных газетах на иностранных языках, причем, в виду позднего получения Чертковым письма Толстого от 18 февраля с предложением исключить из статьи абзац о представительстве и самодержавии, в некоторых газетах текст статьи был напечатан с этим абзацем. По этому поводу Чертков писал Толстому 18 апреля: «Ваше письмо, к сожалению, получилось только вечером накануне дня выхода статьи. Я тотчас же телеграфировал во все стороны. В Times'e успели выкинуть, но в Париже не успели: переводчик поехал ночью в редакцию, но всё уже было напечатано и разослано. В Берлин также телеграфировал, но не знаю, как там» (АТБ).

Все последующие публикации статьи являются перепечатками с издания «Свободного слова». Такой же перепечаткой с этого издания является и публикация статьи в двенадцатом издании сочинений Толстого, часть девятнадцатая, М. 1911 (том конфискован).

В виду того что от Толстого не была получена специальная санкция на те поправки, правда, в большинстве второстепенные, которые допущены были в издании «Свободного слова», мы печатаем статью по тексту рукописи, описанной под № 13, сверенному с автографами, исключая абзац, изъятый по распоряжению самого Толстого.

Примечания.

Стр. 156, строки 9—20. Подлинный текст телеграммы, отправленной Толстым, следующий.

«Philadelphia North American Newspaper

Nov. 18. 1904.

Scope Zemstvo agitation restriction of despotism and establishment of representative government. Probable results cannot be foreseen. Will the agitation's leader attain their aim or only continue stirring public in both cases sure results of whole matter will be delay of true social amelioration. True social amelioration can be attained only by religious moral perfectionment of all individuals. Political agitation putting before individuals pernicious illusion of social improvement by change of forms habitually stops the real progress as can be observed in constitutional countries France, England, America».

Стр. 156, строки 21—22. В № 331 «Московских ведомостей» от 30 ноября 1905 г. была напечатана следующая заметка, озаглавленная: «Л. Н. Толстой о конституции».

„Выходящая в Филадельфии газета North American печатает следующую полученную ею от графа Л. Н. Толстого телеграмму.

«Я полагаю, что результатом поднятой в земских сферах агитации будет лишь замедление процесса социального улучшения русского народа. Нынешнее движение приветствуется как заря новой эры свободы; в действительности же оно представляется преградой на пути истинного прогресса. Истинный духовный подъем, как общества, так и правительства, зависит исключительно от религиозного и нравственного перерождения отдельной личности. Конституционное правление же не может уврачевать человеческие страдания. Это подтверждается положением, господствующим ныне во Франции, Англии и Америке»“.

Стр. 156, строка 27. Под «петербургским влodeнием» Толстой разумеет события 9 января 1905 г. — расстрел мирной демонстрации рабочих у Зимнего дворца.

Стр. 162, строки 14—16. Абиссинская война с Италией — за независимость Абиссинии — происходила в 1895—1896 гг. и кончилась поражением итальянских войск и освобождением Абиссинии от протектората Италии.

Англо-бурская война (1899—1902) после упорного сопротивления буров окончилась победой Англии и присоединением к английским владениям

двух дотеле независимых южно-африканских республик — Трансвааля и Оранжевой, населенных бурами и кафрами.

В 1895 г. вспыхнуло революционное восстание на острове Кубе, принадлежавшем Испании. Посланные для умирения восставших испанские войска действовали малоуспешно. Северо-американские Соединенные Штаты, вложившие значительные капиталы в различные предприятия Кубы, вмешались в дело и в апреле 1898 г. объявили войну Испании, сосредоточившуюся у Антильских и Филиппинских островов и окончившуюся поражением Испании. По Парижскому миру 10 декабря 1898 г. Испания отказалась от владения Кубой и Филиппинскими островами. Куба вскоре стала независимой республикой, а Филиппинские острова отошли к Соединенным Штатам.

За десять слишком лет до этого Китай постепенно становился объектом экономической эксплуатации различных сильных держав — Японии, Германии, России, Франции, Англии. В 1900 г. вспыхнуло в Китае так называемое боксерское восстание, направленное против василья иностранцев и сурово ими в 1901 г. подавленное при самом активном участии России.

Еще с начала XIX в. Англия в поисках внешних рынков начала свои посягательства на Тибет. В 1900 г. Тибет добивается своей дипломатической защиты со стороны России. Но в 1904 г. Англия, видя затруднительное военное положение России, отправила в Тибет, в пополнение к своим прежним военным отрядам, новые войска, занявшие в августе 1904 г. Лхасу; далай-лама бежал в Монголию. По договору, заключенному с тибетским правительством в сентябре того же года, прежнее влияние на Тибет Китая сведено было на-нет, и Тибет попал в полную экономическую зависимость от Англии.

Колониальные войны европейских государств с различными африканскими народами велись на протяжении почти всего XIX столетия и в начале XX.